

Лит.: Егоров А. Петр Замойский и его творчество. М., 1964; Трегуб С. Художник жизненной правды // Замойский П. Восход. М., 1966. С. 404–411; Страхов Н. Петр Замойский: Жизнь. Время. Книги. М., 1976; Эркай Н. Родники души. Саранск, 1981. С. 179–182; Синеруков А. К. Автобиографический рассказ в творчестве Замойского // Худож. творчество и лит. процесс. Томск, 1983. С. 80–92; Сурганов В. А. О Петре Замойском и его романе // Замойский Н. Лапти. М., 1989. С. 5–14; Замойский Л. П. Сим победиши! // Лит. Россия. 1996. № 26; Петр Замойский. Судьба. Творчество. Память. Пенза, 2001.

В. А. Шошин

ЗАМЯТИН Евгений Иванович [20.1(1.2). 1884, г. Лебедянь Тамбовской губ.— 10.3. 1937, Париж; похоронен в пригороде Парижа — Тие] — прозаик, драматург, публицист.

Отец — священник церкви Покрова Богородицы в Лебедяни, мать — дочь священника, одаренная пианистка. Семья З. была дружной и патриархальной; в доме часто гостили странники, богомолки, совершались паломничества к близлежащим святым местам. З. рано полюбил музыку, с 4 лет пристрастился к чтению, его любимым писателем с детства стал Гоголь. Учился сначала в Лебедянской прогимназии (1893–96), затем в Воронежской гимназии, которую окончил с золотой медалью в 1902. В гимназии «специальность» З. были сочинения по русскому яз., но для дальнейшего обучения из «упрямства» он «выбрал самое что ни на есть математическое» (Автобиография. 1922 // Лит. учеба. 1988. № 5. С. 121) — кораблестроительный ф-т Петербургского политехническо-

Е. И. Замятин

го ин-та, на который поступил в 1902. Во время летней практики 1904 много путешествовал по России в «прибаутливых, веселых третьеклассных вагонах» (Автобиография. 1928 // Избранные произведения. С. 39), плавал по Волге, Каме, Черному морю; летом 1905 путешествовал на пароходе «Россия» от Одессы до Александрии. Возвращение из плавания совпало с восстанием на броненосце «Потемкин» (см. рассказ «Три дня», 1913). З. с энтузиазмом уходит в революционную деятельность, становится членом РСДРП(б) и боевой дружины Выборгского р-на: «В те годы быть большевиком — значило идти по линии наибольшего сопротивления; и я был тогда большевиком» (Автобиография. 1928. С. 39). Осенью 1905 З. был арестован, провел «несколько месяцев в одиночке на Шпалерной» (Автобиография. 1928. С. 40) и выслан затем в Лебедянь под особый надзор полиции. В авг. 1906 надзор был отменен, но с запрещением жить в Петербурге; несмотря на это, З. вернулся в столицу. В 1908 З. окончил ин-т со званием морского инженера и был оставлен при кафедре корабельной архитектуры.

Лит. дебют З. состоялся в 1908 — рассказ «Один», написанный «одним духом» в перерыве между работой над дипломными проектами; этюд в манере Л. Н. Андреева об одиночестве и несчастной любви с трагическим финалом. В этом же духе и мелодраматический рассказ «Девушка» (1910). Время профессионального художественного творчества наступило в 1911, когда З. был выслан из Петербурга (обнаружилось его нелегальное проживание). Короткое время З. жил в Сестрорецке, затем два года в Лахте, где медленно рождалась «в снегу, одиночестве, тишине» (Автобиография. 1928. С. 41) повесть «Уездное» (1913). «В литературу Замятин вошел сильно и уверенно — как ледокол, ломая перед собой лед. Редко кто сразу так хорошо начинает» (Шкловский В. Б. // Замятин Е. Избранные произведения. С. 6). Мн. современники (М. Горький, А. М. Ремизов, Б. А. Пильняк и др.) считали «Уездное» самым значительным произведением З. Повесть по тематике традиционна: колоритное изображение темного и косного провинциального быта, восходящее к произведениям Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского, созвучное «окуровскому» циклу Горького, гротескно-символическому «Мелкому бесу» Ф. Сологуба (это произведение З. высоко ценит) и в некоторой степени — «Пруд» А. Ремизова.

В 1913 после общей амнистии по случаю 300-летия дома Романовых З. возвращается

в Петербург и знакомится с Ремизовым, М. Пришвиным, объединившимися вокруг ж. «Заветы» и его ведущего критика Р. В. Иванова-Разумника. Болезнь (грудная жаба) вынуждает тогда же З. по рекомендации врачей выехать в Николаев. Там он занимался строительством землечерпалок, написал несколько рассказов и повесть **«На куличках»** (1914), которую цензура расценила как клевету на русскую армию; номер журнала был конфискован, редакция и автор привлечены к суду. Острое и гротескное произведение З. традиционно сопоставляют с «Поединком» А. И. Куприна. В то же время это и смелый худож. эксперимент; сгущенный до гротеска и фарса «фантастический» быт не «обличается», он органически слит с раздумьями З. о трагических парадоксах русского исторического развития, оттененными своеобразным лиризмом, который А. К. Воронский назвал «подлинным, высоким и трогательным» (Воронский А.— С. 108).

Главным образом о провинциальной, уездной России и революционных событиях 1905–06 и рассказы З. того времени: **«Непутевый»** (1914), **«Чрево»** (1915), **«Ап-рель»** (1915), **«Старшина»** (1915), **«Письменно»** (1916). Повесть **«Алатырь»** (1915), тематически и стилистически близкая к ним и «Уездному», — трагифарс, в ее родословной — «провинциальные» повести Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково». Здесь особенности худож. манеры З. проступают наиболее отчетливо: «словопоклонничество, мастерство, наблюдательность со стороны, ухмылочка и усмешка, анекдотичность... заостренность, резкость и ударность приема, подбор тщательный слов и фраз, большая сила изобразительности, неожиданность сравнений, выделение одной-двух черт, скупость» (Воронский А.— С. 107).

Ссылка в Кемь в 1915 за «антивоенную» повесть оказалась весьма плодотворной для З., дав материал для северной лирико-драматической трилогии — **«Африка»** (1916), **«Север»** (1918) и **«Ёла»** (1928) — с рельефно обрисованными народными характерами, сдержанной и одновременно символической живописью, с типичными для З. импрессионистическими и звуковыми лейтмотивами, ключевыми интегральными образами, парадоксальными психологическими ситуациями, переходящими в «Ёле» в аскетическую «неореалистическую» простоту. Пробует З. свои силы и в жанре лит. сказки (**«Бог»**, **«Дьячок»**), типологически более всего близкой к злободневным сатирическим иносказательным

притчам Сологуба и «тенденциозным» (и эротическим) сказкам Ремизова, И. С. Соколова-Микитова. К этому жанру З. с успехом обращался и после революции (цикл сказок о Фите, **«Церковь Божия»**, **«Арапы»** и др.); политическая острота, ироничность обусловили резкость оценок со стороны критики, прямолинейно называвшей их «белыми агитками». Выступал З. и как лит. критик в «Ежемесячном ж.» (1914), рецензируя, в частности, «Петербург» А. Белого, стилистику которого он не принял и остроумно высмеял (Шкловский, отнесший в статье 1927 З. к «эпигонам Белого», безусловно, ошибся).

В 1916 выходит первый сб. З. **«Уездное. Повести и рассказы»** (1916), вызвавший большое количество откликов. Критики писали о рождении «нового Гоголя». Особенности мировидения З. и двойственное отношение писателя к «уездной, темной, провинциальной России» отмечал В. Полонский: с одной стороны, «симпатия к человеку грязному, пришибленному, даже одичалому», с другой — «добродушная ласковость», смягчающая «острую непривлекательность его персонажей» (Летопись. 1916. № 3. С. 263). Уже ранние произведения обнаружили в творчестве З. особое «художественное знание, которое позволяет ему из маленького сюжета сделать вещь довольно значительную» (Эйхенбаум Б. М. // Русская молва. 1913. 17 июля); у З. «не просто лица, а генеалогии», «живые носители наследственных передач... атавистические изваяния», «быт, вывернутый корнями вверх» (Пильский П. // Аргус. 1916. № 9. С. 86). Л. Н. Рейснер назвала З. «прозаиком-акмеистом», «ювелиром, знатоком и любителем слова» (Рудин. 1916. № 8. С. 10), перекликаясь с мнением Иванова-Разумника, полагавшего, что З. продемонстрировал, как реализм может пользоваться мн. техническими завоеваниями модернизма (Заветы. 1914. № 1. С. 95).

В марте 1916 З. командировали в Англию для наблюдения за строительством судов по русским заказам на заводах в Ньюкасле, Глазго, Сандерленде. Работал З. в Англии одержимо, сочетая инженерно-строительные занятия (участвовал в создании 5 ледоколов, в т. ч. «Св. Александр Невский» и «Святогор»; после революции переименованы — «Ленин» и «Красин») с литературными. В это время создана повесть (или небольшой роман — З. колебался в определении жанра) **«Островитяне»** (1918). Отколовшийся от произведения «первый вариант развязки» «позже стал жить самостоятельно» как рассказ **«Ловец человек»** (1921). Повесть и рассказ со-

ставили «английскую» дилогию З., ознаменовавшуюся поисками нового убыстренного стиля, он должен был отвечать ритмам новой эпохи, когда «сдвинутыми, фантастическими, незнакомо-знакомыми» стали «самые привычные формулы и вещи» (Соч. С. 432). Эти произведения предваряют содержание и поэтику романа **«Мы»** и др. послереволюционных произведений З.

Весть о Февральской революции 1917 З. воспринял с энтузиазмом, но по условиям военного времени смог вернуться в Россию лишь в сент. 1917. По возвращении он публикует статьи, рассказы и сказки в «Деле народа», «Новой жизни», «Мысли», «Ежемесячном ж.», полемизирует со «скифами»: Ивановым-Разумником, Блоком (**«Скифы ли?»**) // Дело народа. 1918. № 3; **«Домашние и дикие»** // Дело народа. 1918. № 35; обе, как и др. статьи, за подписью Мих. Платонов) и футуристами (**«Презентисты»**) // Дело народа. 1918. 2 июня); высмеивает теоретические установки пролеткультовцев (**«О равномерном распределении»**) // Новая жизнь. 1918. № 106). Отношение З. к Октябрьской революции было во многом созвучно «Несвоевременным мыслям» Горького (осенью 1917 состоялось их знакомство) и «насквозь пропитанному любовью и скорбью» (в статье «Скифы ли?») «Слову о гибели Русской земли» А. Ремизова. Репутация З. как бунтаря, еретика, «внутреннего эмигранта», врага установилась очень рано, и он сделал все, чтобы ее упрочить. «Я... не хочу изображать из себя оскорбленную невинность... Я знаю, что у меня есть очень неудобная привычка говорить не то, что в данный момент выгодно, а то, что мне кажется правдой», — писал он И. В. Сталину (1931), настаивая на законности и правомерности своей позиции отрицательного отношения к «литературному раболепству, прислуживанию и перекрашиванию» (Соч. С. 490). Эта позиция остро и непримиримо была заявлена в знаменитом лит. манифесте **«Я боюсь»** (Дом искусств. 1921. № 1), статьях **«Рай»** (Дом искусств. 1921. № 2), **«Новая русская проза»** (Русское искусство. 1923. № 2–3), **«О синтетизме»** (в книге: Анненков Ю. Портреты. Пг., 1922), **«О сегоднешнем и о современном»** (Русский современник. 1924. № 2) и романе **«Мы»**.

Необыкновенно разнообразной была деятельность З. в первые послереволюционные годы — чтение курса новейшей русской литературы в педагогическом ин-те (1920–21), работа в редколлегии «Всемирной лит-ры», в правлении Всероссийского союза писате-

лей, в секции исторических картин Театр отдела Наркомпроса (ТЕО), в изд-вах Гржебина, «Алконост», «Петрополис», «Мысль», редактирование ж. «Дом искусств», «Совр. Запад», «Русский современник». В лекциях на студии Дома искусств (Лит. учеба. 1988. № 5; публ. А. Н. Стрижева) о технике худож. прозы и психологии творчества З. излагал свои эстетические взгляды. Наряду с лит. статьями и автобиографиями З., они служат ценным комментарием к таким произведениям, как **«Мы»**, **«Мамай»** (1921), **«Пещера»** (1922), **«Рассказ о самом главном»** (1924), **«Наводнение»** (1929).

Самое значительное свое произведение — роман **«Мы»** (1920) З. тщетно пытался опубликовать в СССР. Впервые роман был опубликован в английском переводе (1924), а затем — при посредничестве Р. Якобсона — на чешском (1927) и — по инициативе И. Г. Эренбурга — французском яз. (1929). На русском яз. роман был впервые опубликован в сокращенном виде пражским ж. «Воля России» (1927), полностью — изд-вом им. Чехова в Нью-Йорке в 1952 (на родине: Знамя. 1988. № 4–5 / предисл. В. Я. Лакшина). Широкое распространение рукописи сделало возможным появление на него в печати критических откликов, преимущественно отрицательного характера, позднее, в 1929, деградировавших до крайне упрощенных оценок романа как злобного и пасквильного, клеветнического и антисоциалистического произведения.

«Мы» знаменовало окончательное формирование нового лит. жанра — романа-антиутопии. Сам писатель предпочитал такие жанровые определения, как «городская сказка», «механическая, химическая сказка», «городской миф». В романе «Мы» пересеклись различные линии развития русской (от Гоголя до Белого) и европейских (от Свифта до А. Франса, Г. Уэллса, К. Чапека) лит-р; особенно значительно отражение худож.-философской мысли Достоевского. Экзистенциальный бунт Парадоксалиста («Записки из подполья»), Терентьева («Идиот»), теория Шигалева («Бесы»), философия Великого инквизитора («Братья Карамазовы») органично осмыслены и переведены на международный язык. Математическая стерильность и холодный рационализм этого языка резко контрастируют со сказово-орнаментальной, стилистически изысканной («почвенной») прозой З. Поэтика «Мы» отчасти ориентирована на модернистскую живопись, архитектуру, музыку, стилистику науч. работ, но это и фантастико-авантюрный роман, вобравший в себя

историко-философский и футурологический трактаты и лит. памфлет.

Иронией З., переходящей в сарказм, пронизаны восторженные суждения главного героя (он же повествователь) о совершенной структуре Единого Государства (пророческая модель тоталитарного общества). Стилистическая взвинченность повествования, стремительное развитие сюжета — приметы прозы, призванной передать «огромный фантастический размах духа нашей эпохи, разрушившей быт, чтобы поставить вопросы бытия» (Соч. С. 422). Дж. Оруэлл, автор романа-антиутопии «1984», считал, что «интуитивное раскрытие иррациональной стороны тоталитаризма — жертвенности жестокости как самоцели, обожания Вождя, наделенного божественными чертами, — ставит книгу Замятина выше книги „Прекрасный новый мир“ Хаксли» (Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М., 1989. С. 308). А. И. Солженицын, отмечая влияние «Мы» на «1984» Дж. Оруэлла, подчеркивал «искрометность» романа З.: «блестящая, сверкающая талантом вещь; среди фантастической литературы редкость тем, что люди — живые и судьба их очень волнует» (Письмо к А. Н. Стрижеву от 15 июня 1967 г. // Лит. учеба. 1994. Май-июнь. С. 115).

Судьба З. на родине после Октябрьской революции складывалась с самого начала драматично. Еще в февр. 1919 он вместе с Ивановым-Разумником, Блоком и др. был арестован по «делу левых эсеров», но вскоре выпущен. В авг. 1922 З. вновь арестован: в составе большой группы философов и историков его должны были выслать «бессрочно» из России, но благодаря непростительному вмешательству друзей он остался в стране. С закрытием в мае 1924 ж. «Русский современник» (З. руководил им совместно с К. И. Чуковским) З. надолго отходит от редакционной и публицистической работы. С 1925 деятельность З. связана в основном с театром.

В 1925–26 изданы и поставлены пьеса «Блоха» (по «Левше» Н. С. Лескова. Л., 1926; два изд.) — интересный опыт создания «народного театра» — и трагикомедия «Общество почетных звонарей» (по мотивам повести «Островитяне»). В 1928 З. закончил работу над исторической трагедией «Атилла» (впервые опубли.: Новый ж. 1950. № 24), добиться постановки, несмотря на усилия Горького, не смог.

«Пьеса „Блоха“, шедшая с большим успехом и в Петербурге, и в Москве, была снята с репертуара; пьеса „Атилла“, уже дошедшая до генеральной репетиции на сцене

Большого драматического театра в Петербурге, была запрещена к представлению. Рассказы и повести не допускались к печати... задушили и вынудили бежать из советского рая», — вспоминает Иванов-Разумник (Писательские судьбы // Возвращение: сб. М., 1991. С. 330–331). После 1929 З. перестают печатать. В окт. 1931 благодаря посредничеству Горького З. выезжает за границу.

С февр. 1932 З. живет в Париже, периодически продлевая советский паспорт; «не соскользнув ни в красную, ни в белую реакцию, он продолжал идти своим путем, преодолевая препятствия, где бы их ни встречал» (Таманин Т., Манухина Т. Замятин Е. И. // Совр. записки. 1939. № 16. С. 108). Осторожная и независимая позиция З. раздражала многих в эмиграции (в т. ч. З. Н. Гиппиус). Пытался З. оказывать посильную материальную помощь оставшимся в СССР друзьям (особенно А. А. Ахматовой и М. А. Булгакову).

Во Франции З. писал киносценарии (по мотивам пьесы Горького «На дне»; реж. Ж. Ренуар, 1936), рассказы, очерки-воспоминания, статьи и рецензии (выявлены частично). Посмертно опубликована 1-я часть исторического романа о вожде гуннов Атилле «Бич божий» (Париж, 1938; предисл. М. Слонима). Усилиями вдовы писателя, Людмилы Николаевны (умерла в 1965), была составлена и издана книга его критических статей и воспоминаний об Андрееве, Белом, Блоке, Горьком, Кустодиеве, Сологубе — «Лица» (Нью-Йорк, 1955), вызвавшая ряд доброжелательных рецензий в эмигрантской прессе, в т. ч. Г. А. Адамовича (Опыты. Нью-Йорк. 1956. № 6).

Соч.: СС. М., 1929. Т. 1–4; Соч. / статья М. О. Чудаковой; комм. Е. Барабанова. М., 1988; Избранные произведения / вступ. статья В. Б. Шкловского и В. А. Келдыша. М., 1989; Из блокнота 1931–1936 гг. // Новый ж. 1987. Кн. 168–169; Письма к жене. 1918–1923 / публ. М. Ю. Любимовой // Искусство Ленинграда. 1990. № 10–11.

Лит.: Андроникашвили-Пильняк Б. Два изюга, два художника. Б. Пильняк и Е. Замятин // Знамя. 1994. № 9; Анненков Ю. Дневник моих встреч. Л., 1991. С. 235–281; Воронский А. Е. Замятин // Искусство видеть мир. М., 1987; Гальпева Р., Роднянская И. Помехачеловек: Опыт века в зеркале антиутопий // Новый мир. 1988. № 12; Павлова-Сильванская М. Это сладкое «мы», это коварное «мы» // Дружба народов. 1988. № 11; Чуковский К. Дневник. 1901–1929. М., 1991; Шкловский В. Гамбургский счет. М., 1990.

В. А. Туниманов